

МЕТАФОРА КАК МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВИДЕНИЯ

Юрков Е.
д.ф.н., доцент

Директор Института русского языка и культуры
Зав.кафедрой РКИ и методики его преподавания
Санкт-Петербургского государственного
университета
Россия

Резюме. В статье рассматриваются вопросы лингвокультурологического описания моделей метафоризации. Изучение и классификация регулярных метафорических переносов может многое дать для понимания общих закономерностей метафорического моделирования действительности, а значит и для понимания особенностей национального менталитета.

Keywords: metaphor, metaphorical transfer, tertium comparationis, national and cultural specificity, model of metaphorization

Вопрос о системном характере метафорообразования ставился неоднократно, хотя и далеко не всегда получал научную поддержку, прежде всего из-за отсутствия общепризнанных доказательств регулярности метафорических переносов. Впрочем ряд исследователей вполне обоснованно отмечали, что метафора по своей природе системна, поскольку ей присуща категориальная природа, она является инструментом абстрагирования и обобщения, а значит отдельные метафорические переносы могут быть сгруппированы в классы, подсистемы со своего структурой и иерархической организацией. Чаще всего сторонники признания асистемности метафорических переносов указывают на авторские, окказиональные метафоры, которые, якобы, не поддаются унификации. Безусловно, границы авторского произвола могут быть весьма широкими, но изначальная антропометричность языкового существования уже придает любому языковому факту признак системности.

Полномасштабное изучение и классификация регулярных метафорических переносов может многое дать для понимания общих закономерностей метафорического моделирования действительности, а значит и для понимания особенностей национального менталитета. Безусловно, абсолютное моделирование процессов метафоризации недостижимо. Принципиальные дискретность, противоречивость, незавершенность „метафорической парадигмы“ – все это исключает возможность создания единой классификации с исчерпывающей инвентаризацией входящих в нее компонентов. Но несомненный системный характер метафоризации, ее историческая, когнитивная и национально-культурная обусловленность вновь и вновь делают ее тем объектом исследования, результаты которого позволяют глубже постичь особенности национального языкового сознания, национальной языковой картины мира, национального менталитета и формирующей его национальной культуры, причем с очевидной соизмеримостью этих национально-ценостных координат с общечеловеческим измерением окружающего мира и творящего в нем субъекта.

В описаниях метафорических моделей, помимо „источника“ и „цели/мишени“ метафоризации, ее направления, чаще упоминается и редко описывается то, что „связывает“ понятийные сферы – основание метафоры (мотивирующий перенос наименования, признак, „символ метафоры“, в терминологии Г. Н. Скляревской). Причина столь недостаточно последовательного внимания исследователей к этому компоненту метафоризации видится в следующем. Поиск *tertium comparationis* (признака сравнения или символа метафоры – этот термин более содержателен для указания на тот сложный смысл, который он именует) может быть весьма затруднительным, и, как справедливо отмечает Н. В. Павлович, „во многих случаях признак сравнения трудно или невозможно назвать, а во-вторых, он имеет чрезвычайно общий характер (зрительное сходство, звуковое сходство) и слишком мало информативен, чтобы служить инструментом филологического исследования“ (Павлович, 2004).

Действительно, иногда признаки, мотивирующие перенос наименования, непротиворечивы и общедоступны, иногда они трудноуловимы и вычленяются по-разному в зависимости от контекста и лингвокультурной компетенции реципиента. Например, „молния“ (о человеке) не вызовет недопонимания у представителей одной языковой общности, а „солнечный таз, полный клубничного варенья“ (А. Битов) может быть не воспринят отдельным языковым сознанием. К тому же и столкновение со „стертыми“, общеупотребимыми языковыми метафорами (например, „волны времени“), когда само понимание вполне адекватно, еще не означает, что не только рядовой носитель языка, но и профессиональный филолог выделит все „общие признаки сравнения“ для данного метафорического смысла. Думается, что „движение“, „периодичность“ – общевыделяемые, а вот возможные „расчлененность“, „безвозвратность“, „пагубность“ – их отмеченность очень сильно зависит от контекста, состояния и подготовленнос-

ти реципиента. Мотивирующий признак изменчив, не дан раз и навсегда. Его обнаружение – это своего рода лингвокультурное и концептуальное индуцирование, осуществляемое коммуникантами. Но означает ли это, что их описание и классификация невозможны, что их „моделирующая“ функция не может быть определена, как полагает Н. В. Павлович? Лингвистическое „уклонение“ не позволит продвинуться в изучении сложнейших процессов метафоризации, только поэтапное преодоление возникающих научных проблем послужит основанием для проникновения в суть еще недостаточно изученного явления.

Безусловно, может быть разная интерпретация, и у одной метафоры разные люди увидят разные основания, признаки сравнения. Кроме того, у каждого члена образной, метафорической парадигмы может быть свой признак сравнения. Но признак сравнения не должен уподобляться элементарному „неделимому“ смыслу. Приближение к такой „элементарности“ ведет к омертвлению метафоры (образованию нового значения слова, лишь этимологически относящегося к метафоре).

Вместе с тем некий смысловой инвариант сохраняется у всех метафор данного ряда. Время (и все смыслообразы этого ряда) уподобляются воде (и соответственно в этом ряду могут оказаться все „водные“ смыслообразы).

Каждый член метафорического ряда имеет свои семантические и стоящие за ними лингвокультурные особенности, но он также сопряжен и с другими членами этого ряда, и этот инвариантный стержень, их объединяющий, задает определенную направленность метафорического смыслообразования и даже определяет вектор сопутствующего каждому смыслообразу ассоциативного пучка.

Рассмотрение изолированной (вне соответствующей парадигмы) метафоры, даже с помощью своеобразного лингвистического микроскопа, дающего возможность увидеть весь сложный спектр признаков сравнений, может привести к интерпретации недостаточно полной, и даже ошибочной, если не соотнести эту метафору с другими, ей подобными, т.е. не найти ей место в соответствующей метафорической парадигме. Но точно так же наше восприятие, понимание метафорического смысла будет ущербно, если мы ограничимся только нахождением места метафоры в соответствующем метафорическом ряду.

В образе/метафоре, на наш взгляд, происходит „нераздельное слияние“ действительности, образа и сознания. А противопоставление признака сравнения и смыслового инварианта как образной парадигмы, метафорической модели не вполне корректно. Ключ к раскрытию семантических и лингвокультурных особенностей метафоры в раскрытии сложного, иногда противоречивого взаимодействия в метафоре того, что соотносится с признаком сравнения и сопутствующего ему ассоциативного шлейфа, и того, что определяется местом данного метафорического смысла в иерархическом ряду – метафорической парадигме.

В. П. Москвин, рассматривая метафору с эпидигматической точки зрения, отнес ее к классу семиотических объектов сложной структуры, которые должны стать предметом тщательного анализа, включающего „процедуру развер-

тывания“ как основы интерпретационного поиска. Причем особое внимание исследователь уделяет выделению и характеристике „аспекта сравнения“ (теме, „ground“, задающей область сходства субъектов метафоры) и их „общему признаку“ – „tertium comparationis“ (Москвин, 2007). В. П. Москвин составил характерную таблицу, учитывающую выделяемые им компоненты метафоры:

Таблица 1

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Tertium comparationis	Аспект сравнения
„лиса“	„человек“	„хитрый“	поведение
„петух“	„человек“	„драчливый“	поведение
„молния“	„застежка“	„быстрая“	скорость
„золото“	волосы	„желтые“	цвет
„серпантин“	„дорога“	„извилистая“	форма

С нашей точки зрения, в приведенной таблице может появиться еще один столбец „Общий признак“ является, по сути, доминантным мотивирующим признаком (ДМП), центром/ядром образно-смыслового пучка сопутствующих ему мотивационных признаков – метафорических конкретизаторов. Их выделение и описание, как уже отмечалось, – трудновыполнимая задача. Но именно их характеризующая сила придает метафоре тот ценностный, художественно-смысловой и лингвокультурный смысл, ради которых и совершается сам акт метафоризации. Таким образом, приведенная выше таблица могла бы принять следующий вид:

Таблица 2

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Tertium comparationis / ДМП	Аспект сравнения	Образно-смысловые/метафорические конкретизаторы
„лиса“	„человек“	„хитрый“	поведение	Скрывающий/заметающий следы, внешняя привлекательность
„петух“	„человек“	„драчливый“ (скорее „задиристый“)	поведение	Показная задиристость / агрессивность, излишняя боевитость (демонстративная)
„молния“	„застежка“	„быстрая“	скорость	Поначалу блестящая* (т.е. металлическая)
„золото“	волосы	„желтые“	цвет	Блестящие, красивые
„серпантин“	„дорога“	„извилистая“	форма	Узкая, петляющая* (с элементом привлекательности)

* если доминантный признак „подавляет“ сопутствующий, происходит „затухание“ метафоры, превращение в стертую языковую.

Исходя из принятой нами трактовки представления процесса метафоризации посредством модели-М, представляющей механизм метафорического переноса с учетом „источника“, „мишени“, „символа метафоры“ и направления переноса, мы ставим следующие задачи определения и описания закономерностей метафорического переноса как модели-М:

- 1) поиск группы сходных метафор;
- 2) определение направленности переноса;
- 3) определение инвариантов лексических рядов, представляющих соответственно „источник“ и „мишень“ метафоризации;
- 4) определение емкости/ длины этих рядов;
- 5) установление продуктивности данной модели;
- 6) определение ее места в кругу других моделей/ парадигм (в том числе ответ на вопрос
 - а) есть ли во взаимодействии этих моделей не только „парадигматические“ но и „синтагматические“ отношения;
 - б) входит ли она в большую (и какую) парадигму, имеет ли в своем составе меньшую.
- 7) определение места данной модели в лингвокогнитивном пространстве, которому она принадлежит (структуре языкового сознания; фрагменте ЯКМ);
- 8) определение национально-культурной специфики данной модели.

Возможны и дополнительные задачи (например, определение жанровой специфики, социолингвистической отнесенности).

Установление и описание модели-М, метафорической парадигмы, фиксирующей и эксплицирующей установление подобия, может, по-видимому, обойтись и без обращения к анализу мотивирующих признаков переноса – символов метафоры. Но цель образного постижения действительности не просто установление подобия, а посредством установления подобия сделать и постигаемую часть мира „своей“, „сопряженной“ с тем, что уже таковым является. И представляется, что без анализа и классификации „символов метафоризации“, их роли в „индукции“ метафорических смыслов достижение подобной цели невозможно.

Метафоры создаются и „живут“ в языковом сознании по определенным законам.

С одной стороны, использование метафоры индивидуализирует нашу речь, придает ей черты авторской уникальности. Но у этой уникальности есть особого рода закономерность, без которой невозможна никакая, в том числе и межкультурная, и внутрикультурная коммуникация. Любой индивидуальный образный язык только потому и является образным, что он понимаем. Без такого понимания невозможно сохранение единого культурного пространства. „Новый“ образ, „новая“ метафора расширяют это пространство, раскрыва-

ют его внутреннюю глубину. При этом следует помнить, что цель образного постижения – не установление подобия, а посредством обнаружения этого подобия – сделать и эту постигаемую часть мира „своей“, сопряженной с тем, что уже таковым является.

Таким образом, метафоризация – это поиск неповторимого, индивидуального с целью обнаружения в нем общего, присоединения, „присвоения“ открытого, найденного. Образное осмысление, метафоризация – это противодействие, противоядие энтропии в борьбе за целостность, единство мира и человека в представляющем этот мир лингвокультурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории, ЛКИ, 2007.

Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М., 2004.

THE METAPHOR AS A NATIONAL WORLD-VIEW MODEL

Abstract. The article presents the issue of linguistic and cultural descriptions of models of metaphorization. The study and classification of reoccurring metaphoric transfers can contribute significantly to understanding of the general patterns of metaphoric shaping of reality, and, subsequently, of understanding the particularities of a national mindset.

Evgeniy Yurkov

✉ Saint Petersburg State University
11/2 Lieutenant Shmidt Str.
Saint Petersburg, 199034, Russia
Tel.: 8 (921) 965-4265
E-mail: info@ropryal.ru